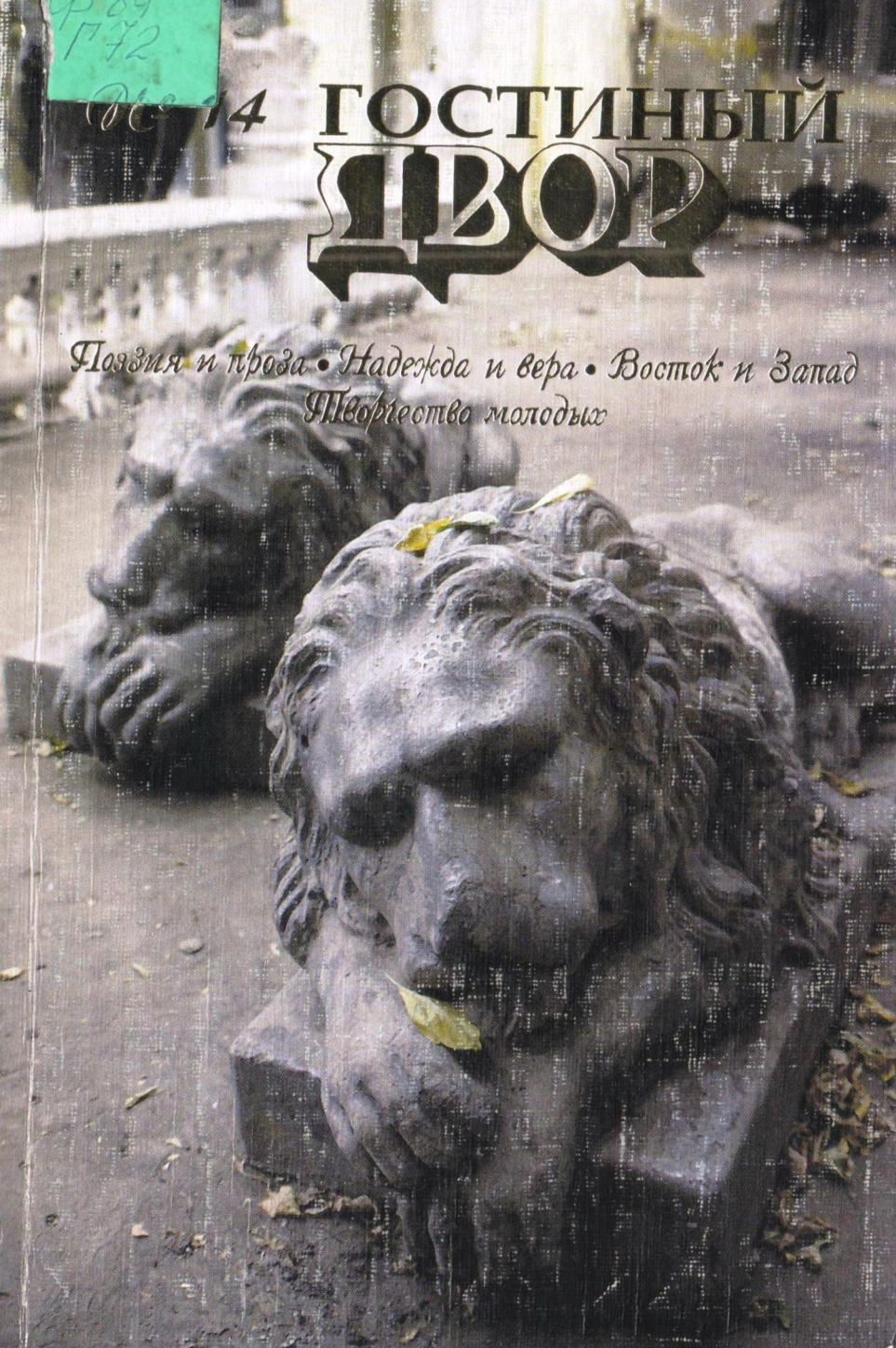
Р 84
Г 72
№ 14

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Поэзия и проза • Надежда и вера • Восток и Запад
Творчество молодых

Галина МАТВИЕВСКАЯ,
Инна ЗУБОВА

«Я ВАС ЛЮБЛЮ КАК ДРУГА...»

Письма В. А. Перовского к В. И. Далю

Владимир Иванович Даль, как известно, провёл в Оренбурге восемь лет: с 1833 по 1841 год. Это важнейший период его жизни, поскольку именно в те годы окончательно определились основные направления научной деятельности Даля, были написаны его наиболее значительные литературные произведения, началась работа над «Толковым словарём». Известно также, что Даль приехал сюда в должности чиновника для особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Какие же отношения связывали этих двух замечательных людей, которые провели восемь лет в самом тесном сотрудничестве и немало пережили вместе?

Кто-то из биографов Даля предположил, что Перовский, приглашая того в Оренбург, хотел, кроме всего прочего, иметь при себе квалифицированного врача. Трудно сказать, на чём основано это предположение. Да, во время Турецкой войны 1828 года, в сентябре, при взятии Варны, Перовский был тяжело ранен и, как видно из его писем к В. А. Жуковскому, догадывался, что эта рана будет мучить его всю жизнь. Но, как мы знаем из его же более поздних писем и из воспоминаний современников, в 1833 году, когда Василий Алексеевич получил назначение в Оренбург, он ещё не обращал особого внимания на последствия ранения. Кроме того, если бы здоровье уже беспокоило его, он мог бы взять с собой врача, не заставляя его совмещать профессиональные обязанности с какими-либо другими, что и сделал, когда приехал в Оренбург второй раз, в 1851 году, в должности генерал-губернатора, уже действительно очень больным. А в 1833 году, когда Перовский и Даль познакомились, их, конечно, могло сразу расположить друг к другу то обстоятельство, что оба участвовали в Турецкой войне. Именно из-за начала этой войны дерптский студент Владимир Даль должен был досрочно сдать экзамен и отправиться на фронт в качестве военного хирурга.

О том, как уже в Оренбурге складывались его отношения с губернатором, Даль, видимо, откровенно рассказывал впоследствии детям, и можно верить его дочери Екатерине, которая пишет в своих воспоминаниях:

«Отец говаривал, что трудно ему было относиться к Василию Алексеевичу, как должен относиться подчинённый к своему начальнику; что Василий Алексеевич

был, по выражению отца, «капризным ребёнком», то выражая желание брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним и примет начальнический вид»...

Неровность поведения Перовского, его «капризность», зависимость от собственного настроения были чужды Далю. Поэтому, когда однажды Перовский полушутя-полусерьёзно, цитатой из Шиллера, предложил ему дружбу, Владимир Иванович, как рассказывает его дочь, ответил вежливым и также полушутливым отказом.

Екатерина Владимировна подробно описывает случай на кочёвке (даче) Перовского, когда его расшалившийся сын Алёша в отсутствие отца подошёл к сидевшим на траве гостям и стал поочерёдно стегать их кнутом. Никто не протестовал, только Даль предупредил мальчишку: «Меня ты не тронь, а то и я тебя!» Когда же тот не послушался, Владимир Иванович выполнил свою угрозу, а потом пошёл к отцу мальчика. Василий Алексеевич тут же узнал, что сын его выпорот и будет за такие игры порот и впредь. Ему ничего не оставалось делать, только «дуться» некоторое время, признавая, впрочем, полную правоту своего подчинённого.

Обратимся к повести В. И. Даля «Бедовик», написанной в Оренбурге и впервые опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1839 году. Её герой, молодой чиновник Евсей Стахеевич Лиров, называет себя бедовиком, потому что ему как-то всегда не везёт, беды преследуют. Вот и с губернатором отношения не сложились. Губернатора как человека хорошо характеризует следующий эпизод: однажды Лиров неплохо провёл порученное ему следствие и «ждал спасиба». Но какие-то губернаторские подхалимы «успели понаушничать»:

«...Лиров, воротившись и пришедши с донесением, встретил угрюмое чело, в котором одна знакомая его продольная морщина, проходя косвенно к правой брови, показывала неудовольствие...

– Ваше превосходительство, – сказал Лиров, – позвольте мне объясниться; отношения мои к вашему превосходительству всегда были доселе самые откровенные, я имел счастье пользоваться...

– Какие отношения, сударь, – спросил губернатор, приподняв густые брови на целый вершок, – какие, сударь, отношения? Я думаю, рапорты!..»

У этого губернатора много общего с Перовским. И легковерность по отношению к подхалимам, и густые брови, и умение скаламбурить («отношения» человеческие и «отношения»-документы). И были случаи убедиться, что некоторые мастера художественного слова иногда, не задумываясь, вкладывают слова вымышленного начальника, отчитывающего «бедовика» Лирова, в уста реального губернатора Перовского, разговаривающего с реальным чиновником Далем...

Да, вполне в характере Василия Алексеевича было вот эдак одёрнуть молодого, начинающего чиновника. Однако очень сомнительно, что он мог так нагрубить ровеснику, человеку, спокойно отказавшемуся от близкой дружбы с ним, способному выпороть его сына!

В реальной жизни «отец и командир» (как Даль с добрым юмором называет своего начальника в письме к А. А. Краевскому) был, несмотря на сложности своего характера, не только уважаем, но и любим подчинёнными, в том числе и Владимиром Ивановичем. О том же, как Перовский относился к нему, лучше всего рассказывают письма, которые хранятся в рукописном фонде Пушкинского Дома (Институт русской литературы РАН) в Санкт-Петербурге и никогда ранее не публиковались.

Предлагаем их вниманию читателей.

Короткая записка, датированная 16 июня, несомненно относится к 1834 году и связана с рождением пятью днями ранее старшего сына Даля, Льва. Как писала Екатерина Даль, отец назвал его в память своего любимого брата, погибшего в 1831 году в Варшаве. Мальчику было дано ещё два имени: Арслан и Василий.

Арслан – это просто перевод на татарский язык слова «лев», а Василий – потому, что крёстным отцом был Перовский. Не совсем понятно, как это могло быть, ведь из более позднего послужного списка Даля следует, что его дети от первого брака были лютеранами, как и их мать, да и сам Даль перешёл в православие лишь к концу жизни.

Однако из писем Перовского видно, что он действительно считал Льва своим крестником. Похоже даже, что и следующие двое детей Даля были крещены при его участии. Данная записка подтверждает и упоминание Екатерины Даль о том, что на крестины Льва были одновременно приглашены пастор, православный священник и мулла.

Владимир Иванович Даль

«Знайте вперёд, что кормилиц и нянек приискивают не после, а прежде родов; спасибо вам за извещение о здоровье юной матери. Когда крестины? – Я буду в городе, кажется, около 20-го. Скажите, тогда же или после намерены вы вверить наследника вашего святому назиданию пастора Гольма? – как жаль, что малютка под таким скучным предзнаменованием вступает в Христианскую религию. – Знаете ли, впрочем, что пастор Гольм намерен дать драпа и объехать своё стадо, не лучше ли обратиться к мулле?

Мне любопытно взглянуть на мост и пропеть с вами: «возле речки, возле мосту, уж по мосту, мосту». – Можно ли надеяться, что приедете к нам на кумыс? Я так пристрастился к кобыльему кислому молоку, что всех им потчеваю, не исключая и Льва – Василья Владимировича. – А отчего он назван Львом?

16 июня»

Записка, вероятно, отправлена с кочёвки, где летом отдыхал Перовский. В ней интересно его замечание об увлечении кумысом, возможно, не без влияния Даля. Существенно и упоминание о мосте. Видимо, возведение моста в городе закончено именно в эти дни, когда Василия Алексеевича не было в Оренбурге.

Следующее письмо мы относим к началу 1835 года. Седьмого октября этого же года в письме к сестре, Паулине Ивановне Шлейден, Даль рассказывал о своём отношении к наградам, объяснял, почему не хотел бы, чтобы его слишком, по его мнению, отличали. При этом он упомянул, что прошлой зимой, когда Перовский был в Петербурге, написал ему письмо, после которого Василий Алексеевич просто уже не смог настаивать на награждении. Ниже мы приводим, по-видимому, ответ на это послание, отправленный из столицы. В своём довольно пространном письме Перовский пытается убедить Даля в ошибочности его позиции, подшучивает над ней, но, несомненно, принципиальность Владимира Ивановича вызывает у него глубокое уважение.

«Я получил ваше письмо без числа и года и без обиняков скажу вам, любезнейший Даль, что вы большой оригинал. Фантазия ваша престранная, а система или теория, которую вы для себя придумали, прекуриозная и пренеудобная. – Не менее того, не совершенно ещё обнимая всё пространство ваших причуд и рассчитывая, что вы и впрямь можете исполнить то, что обещаете в письме вашем, т. е. рассердиться, сконфузиться и сделаться ungluklich[1], если

теперь получите какую-либо награду, я на сей раз (но только на сей раз) сделаю по-вашему, будьте спокойны, но по случаю настоящего приключения дозвольте мне следующее заключение: если бы нам было суждено жить вечно вместе и при том мне жить долее вашего, то в таком случае я мог бы согласиться для вас ничего не делать, потому что в случае нужды успел бы всегда для вас чего-нибудь сделать, но что сказал бы мой преемник или тот, при ком вы будете служить впоследствии, видя, что из всех подчинённых моих один бы вы остались без награждения? Ему, узнавши вас, нетрудно бы было увидеть, что вы заслуживаете награды, и потому осталось бы ему думать, что я не умею отличать достойных. – Будьте уверены, что я вас ценю, люблю и понимаю, а до других вам дела нет; если я что-нибудь когда-нибудь вам выхлопочу, то отнюдь не для того, чтобы вас ставить на одну доску с теми, кои ожидают наград, как лошадь овса. Я и о вас, и о себе имею довольно точное мнение и уверен, что вы согласитесь служить со мною только для того, чтобы со мною служить; но поверьте старому воробью: служить без наград не должно; одною честью жить нельзя на службе, точно так же, как нельзя, женившись по любви, питать одним воздухом жену и детей. Всё это прекрасно в романах, на деле несбыточно. Kennst du das Land[2], где о чести судят по почестям и места тоже дают по почестям? Будь ты хоть ангел, да не имей известного чина, не получишь и места, без которого, быть может, и жить не можешь.

Вот почему, любезный Даль, я уверен, что ваша система надолго не годится, и потому сообразоваться с нею согласен я только на этот раз. Одно место в письме вашем особенно порадовало меня: это то, что вы говорите, что судьбой довольны и боитесь одного, перемены; за это вам искреннее спасибо; и с своей стороны не вижу причины, которая бы могла изменить мои к вам отношения, уверен будучи в вашей прямоте, благородстве и привязанности ко мне, в чём перемена и для меня была весьма прискорбна; продолжайте всегда, как было до сих пор, знайте одного меня, о других не заботьтесь и будьте твёрдо уверены, что никто не в силах поколебать того чувства, которое единожды к вам имею.

За сим обнимаю вас и всю семью и перехожу к другому предмету: нечто об отчёте; прошлогодний отчёт так понравился, что уже меня спрашивали, скоро ли представлю отчёт за сей год; займитесь этим делом без отлагательства; если есть остановка по какой-либо части в сведениях, то займитесь другою частию, обрабатывайте военную, пограничную, Ново-Александр. и пр., пр. отдельно; после можно будет свести. – Мне бы хотелось, чтобы по моём возвращении нашёл уже я всё подготовленным. – Нынешний отчёт обещает быть интереснее прошедшего. Прощайте; право, некогда писать более; Зейдлица, Гельмерсена видел я только по минуте обоих. – Знаете ли, что никто из служащих да не посмеет ничего печатать без цензуры ближайшего своего начальства. Подробнее можете узнать от Рокасовского.

7 Генваря /1835?/»

Две маленькие записки без даты, несомненно, следует отнести к 1836 году, так как в них говорится о рождении второго сына Даля, Святослава, появившегося на свет 4 марта этого года (см. письмо Владимира Ивановича к П. И. Шлейден от 7 марта 1836 года). По-видимому, Перовский в это время находился в городе.

«Душевно рад и поздравляю; надеюсь, что вы и второму внушите те строгие правила, которыми отличается первый. – Между тем придумайте, как бы нам это радостное событие скрыть от пастора и окрестить новорождённого домашними средствами».

Вторая записка – деловая. Перовский торопит Даля, который работает над нужным ему документом, но как торопит? Начальственное требование выра-

22 Feb.
1870.
C. W. S.

Я получил ваше письмо
от 10 Feb. Извините Вы,
что я так поздно
могу ответить вашему,
на свет написан, но я был
занят на Осенбурге больш. и
хотел иметь подробно вам
все сообщить, — теперь могу,
так вам чувствительно
больно; — вообще спасен; опять
болею. — Из печатной работы
я не воспользовался, потому
что много не дают, а малую
можешь иметь и вам дарю
вещь по возвращении моем
в Орен; только не ждите о
Вас.

Пишите вы мне о Японии до
свидания

жено в форме характернейшей для Василия Алексеевича шутки:

«Если бы мне не было известно, что вы час спустя после рождения возлюбленного сына вашего (имени ещё не знаю) ходили стрелять зайцев, то я бы не беспокоил вас о имевшейся у вас бумаге относительно калмыцких /челнов/; потому что рождение сына и даже дочери есть законная причина на прерывание на несколько дней занятий по службе, но по вышеупомянутой причине, кажется, могу sana indiscretion[3] спросить у вас, готова ли та бумага».

А вот ещё более забавная записка без даты:

«Получил я вашу грамоту, ту,
Что принёс мне человек, век
буду помнить ваши стихи, хи,
хи, хи, хи, хи, хи, хи».

Здесь мы видим ещё один яркий пример присущего Перовскому остроумия и можем заключить, что и он получал от Даля какие-то чисто приятельские записки, даже со стихами.

В следующей записке (тоже без даты) говорится об отчёте, который готовит Даль и хочет прочесть Перовский. Следовательно, отнести её можно к зиме 1835 или 1836 года. Из неё видно, что Перовский вслед за Далем увлёкся работой на токарном станке и занимался ею весьма ревностно, как и всем, что его увлекало.

«/Встреча../ отсрочена до завтра по случаю бурана; нельзя ли нам отчёт прочесть сегодня? Вчера я строгал до двух часов ночи и источил весь кленовый болванчик; пришлите мне другой, хоть берёзовый. – От работы болит пояснича, зато вы удивитесь успехам».

Маленькая записочка, отправленная Перовским из Казани, несомненно, написана в 1836 году. Василий Алексеевич возвращается из столицы и спешит сообщить радостные новости, касающиеся сосланных в Оренбург А. А. Алябьева и И. В. Виткевича, а также передать Далю две тысячи рублей, пожалованные ему за работу над «Памятной Книжкой для нижних чинов Императорских казачьих войск».

«Mein lieber Dahl[4], с истинным удовольствием препровождаю вам две тысячи рублей, которые Государь Император изволил пожаловать вам, за труды ваши при составлении Памятной Книжки для Казачьих войск.

Казань,
22 августа.

P. S. Виткевич назначен ко мне в адъютанты.

Алябьеву возвращён первый классный чин. И пр., пр.»

В 1836 году скорее всего написана и следующая записка личного характера:

«Секретно

Помните ли, когда Жуковский и другие предлагали вам участвовать в золотых кампаниях и вы от того отказались, я сказал вам, что приму вас к себе в долю, если когда-нибудь буду сам иметь часть в золотых промыслах? – Теперь я, к несчастию, по смерти брата приобрёл часть в /скупленных/ им землях, и вы хоть бы и поневоле, но должны получать пятый процент, мною вам назначенный из составленного мне от золота дохода».

Речь здесь, видимо, идёт о старшем брате Перовского Алексее Алексеевиче (писателе Антонии Погорельском), который дружил с Далем и, возможно, содействовал знакомству последнего с братом. Умер Алексей Алексеевич, как известно, 9 августа 1836 года, и письмо Василия Алексеевича, несомненно, относится ко времени, когда он вступал в права наследства. Неизвестно, удалось ли ему в этом случае убедить Даля согласиться на предложение. Зная, как не любил Владимир Иванович поддерживать слишком близкие отношения с начальством, можно предполагать, что не удалось.

И снова письмо из Казани. По содержанию трудно понять, чем там занят Перовский и в каком году письмо написано. Говорится в нём о довольно незначитель-

Юлия Даль

ных делах, и интересно оно прежде всего своим особенно дружеским тоном. Это единственный документ, в котором Перовский обращается к Далю на «ты» и применяет нечто вроде приятельского прозвища.

«Потрудитесь, mein lieber Wladimir Ivanovich, или лучше сказать Иван Слава Богу:

1) Извинить меня перед генеральшей Энгельгардт, если я сам не отвечаю ей; причиною тому двоякое затруднение: недостаток времени и Schwierigeit[5] писать немецкое письмо. Уверьте её, что я и теперь и всегда готов ей быть полезным, сколько это от меня зависит. Теперь просит она 4 тысячи из пограничной комиссии под залог своего дома; я на сие согласен и прошу вас сказать о том Григорью Федоровичу[6], а официальное на этот счёт разрешение получит он после; об изготовлении онаго нужно будет предупредить Акима Ивановича[7].

2) Генеральше Энгельгардт желательно, чтобы Готшалк проводил её до Киева; и в этом не вижу я никакого затруднения; если нужно ему иметь для сего письменное дозволение или вид, то начальник Штаба снабдит его оным. – Надеюсь, что генеральша не будет на меня в претензии, что не пишу ей сам; надобно также, если Государь сюда приедет, исходатайствовать для неё ту сумму, которую она теперь занимает, так что ей нетрудно будет расплатиться с пограничной комиссией.

Прощай, любезный Wladim. Iv.

Кланяйся хозяйке и поцелуй Крестника.

Казань,

24 сентября»

Лето 1838 года Даль проводил в городе из-за болезни жены, Юлии Егоровны. Несмотря на её тяжёлое состояние, он продолжал работать. Письмо Перовского, написанное, вероятно, на кочёвке, явно продолжает деловой разговор о сослуживцах:

«Надобно признать, что новоприезжие немцы, начиная с Герна, не удаются в Оренбурге. – Что мне с ним делать? Я и сам вижу, что земледельческое училище идёт a la diable[8] и ухватился бы обеими руками, если бы кто порядочный представился на место Герна, да где взять! Это один из тех предметов, о которых я стараюсь не думать, потому что пособить нельзя, а думать неприятно... – Видно, и булочник не надёжнее колбасника; последнего Циолк(овский) желает немного удержать здесь в надежде, что от него научатся его люди; он в своём роде артист отличный, и нельзя не пожалеть, что вместе с тем он и художник.

Жаль, что не вздумали вы о крестинах, когда я был в городе, я мог бы для этого остаться и лишний день; если откладывать в даль нельзя, то сами назначьте на моё место кого хотите. Грустно видеть, как туго поправляется Юлия Егор., но можно решиться на терпение лишь бы правда, что она поправляется. – Я сказал Ак. Ив.[9] чтобы он сообщал вам работу по мере того как будет возникать, теперь нет ничего. – Прощайте.

В. П.

18 июня /1838/

Жаль старика Родофиникина; бог знает, не хуже ли теперь пойдут /../ дела здешнего края».

Здесь упоминается о недавней кончине К. К. Родофиникина (1760 – 30.V.1838), управляющего Азиатским департаментом Министерства Иностранных Дел (с 1819 по 1837 год). Говорится также о крестинах дочери Даля, которые, видимо, откладывались из-за болезни Юлии Егоровны. Она не поправилась, и уже через два дня Перовскому пришлось писать следующую записку с выражением соболезнования и предложением помощи:

«Не стану говорить вам, сколько тронуло меня горестное, хотя и не совсем неожиданное известие; я покойницу любил как сестру, а вас люблю как друга, и потому вдвойне чувствую вашу потерю. – Я думал бы, что вы сделали бы хорошо, если бы переехали теперь на житьё сюда с Арсланом. Вам, ему и женщине при нём готова особая квартира; здесь были бы <вы> совершенно свободны, и мне кажется, что во всех отношениях было бы вам лучше? – Душевно жалею, что в последнюю поездку мою не удалось мне ещё раз её видеть.

21 июня /1838/»

Как видно из переписки Даля с сестрой, он воспользовался приглашением и провёл остаток лета на кочёвке у Перовского.

Прошёл год. Боль потери ещё не утихла. Письмо Василия Алексеевича от 10 июня 1839 года явно связано с какой-то конфликтной ситуацией.

Чтобы представить себе, в чём она могла состоять, следует, по-видимому, вновь обратиться к воспоминаниям Е. В. Даль. Она рассказывает, что отец её, овдовев, сделался завидным женихом, и это, конечно, породило немало интриг и сплетен в оренбургском высшем свете. Пишет Екатерина Владимировна и о том, что отец никогда не смог простить знакомым какой-то сплетни, оскорбительной, по его

Саракташ ский район. На этом месте была кочёвка В. А. Перовского

мнению, для памяти Юлии Егоровны. В письме Перовского речь также идёт о сплетне.

Можно предположить, что Даль обиделся из-за того, что Василий Алексеевич не обратил внимания на какие-то пересуды и не потребовал прекратить их. Однако стоит ли вообще обращать внимание на сплетни? Перовский считает, что Даль стал излишне чувствителен в связи со своим горем, и мягко, но настойчиво уговаривает его не обижаться.

«10 июня 1839 г.

С людьми, которыми я дорожу, не могут быть мне в тягость ни письменные, ни словесные объяснения, но я далёко предпочитаю последния; если бы, когда я спрашивал вас о причине вашей чрезмерной ко мне холодности, вы решились переговорить со мною откровенно, то вероятно /избегли/ бы мы оба сего положения, для вас тягостного, для меня ещё до сих пор загадочного, хотя теперь я уже начинаю видеть, что отвращение ваше к кочёвке имеет непосредственную связь с отвращением собственно от меня. – С того времени, как начал я замечать холодное, принуждённое и до крайности учтивое ваше со мной обращение, я часто сам себя допрашивал: чем, как и когда мог я произвесть такую в вас перемену? Совесть всегда отвечала, что дружеское моё к вам расположение с моей стороны никогда не было нарушено; чувства мои к вам оставались те же. Я по-прежнему отдавал полную справедливость и уму и сердцу и вашей душе, и так называемую в вас огорчительную для меня перемену оставалось приписать влиянию постигшего вас несчастия. Я жалел о вас, жалел, что, с душою твёрдою и высокою, вы без борьбы дали себя раздавить злой судьбе. Но между тем как я о вас жалел, а обвинение не приходило мне на мысль, вы меня обвиняли. В чём? – Этого я и теперь ещё ясно не вижу. В письме своём вы говорите: «вы, может быть, и сами не захотите отдать меня снова на общую потеху?» – «Все люди с жадностию кинулись воспользоваться беспомощным моим положением и проч. и всё это могло случиться без всякой помехи это больно».

Из этого и из многих других слов вашего письма я должен заключить, что вы обвиняете меня в каком-то общем против вас заговоре – я отдал вас на общую потеху, – я не помешал людям безжалостно терзать вас! – Любезный Даль! Я никогда ни письменно, ни словесно никого не обманывал, а потому надеюсь, что вы поверите мне, когда я поклянусь вам честию, что мысль смеяться над вами или отдавать вас другим на посмеяние никогда меня не касалась; если же, по вашему мнению, я виновен в том, что не воспретил того другим, то на это отвечу вам, что в то время я никак не мог себе вообразить, чтобы сплетня глупой девчонки могла до такой степени сбить с толку умного человека. Вы и тогда и после обращением своим имели всю возможность доказать нелепость её вымысла. Если вы этого не сделали из презрения, то зачем же было всё это принимать так к сердцу? Зачем до сих пор показывать столько огорчения? Я тогда же сказал вам, с какой точки смотрю на эту глупость. – Но отчего включили вы меня в общую опалу? Если и в этом помогли сплетни, то я бы, кажется, имел полное право не просить, а ожидать от вас, и не через год, а тотчас же, подробного объяснения. Оно бы убедило вас, что если я питаю к кому дружескую привязанность и искреннее уважение, то уж конечно этот человек не может быть смешным ни свету, ни мне.

Ещё одно слово на последние слова вашего письма: если мне удалось сколько-нибудь сделать вам добра, то уверяю вас, что я не считаю вас в долгу, вы и мне и службе отплатили вполне и с избытком. Это достаточно ответит на вашу посредственность, бесполезность и проч. Вы довольно знаете, что вы мне нужны и что заменить мне вас некем. От души спасибо вам за личную привязанность – больно было бы думать, что вы при мне только по долгу; но что делать мне, когда вы тут же прибавляе-

те, что вы и вперёд не видите здесь себе никакой отрады, и что вам остаётся удалиться из Оренбурга куда бы то ни было? Следовать ли мне моему или вашему внушению? Я говорю с вами откровенно и от вас ожидаю того же.

После положительного вашего отзыва о кочёвке я не должен вас приглашать сюда. – Приглашение было бы похоже на принуждение и потому не повторю его, хотя бы вы были для меня здесь совершенно необходимы; но почему бы не приехать хоть на несколько дней детям и матушке? Вы можете обещать ей, что приедете после, и сдержать обещание, если мысли ваши сколько-нибудь изменятся. – Я для вас нарочито построил дом, объявил, что вас ожидаю, а потому прошу вас, если уж решительно ни вы, ни семейство ваше сюда быть не хотите, то скажите об этом одному мне, а других держите в неизвестности, без чего назначенное вам жильё могут пожелать занять люди, которых я не желаю.

В. Перовский»

Уговоры достигли цели: уже через два дня Даль писал сестре, что собирается с матерью и детьми на кочёвку.

Владимир Иванович просто не имел возможности долго предаваться горю, обидам, мрачному настроению. Шла подготовка к Хивинскому походу, во время которого отношения между ним и Перовским наладились, как показывают многие документы.

Далее мы приведём письмо, относящееся уже к 1840 году и касавшееся английского офицера Джеймса Аббота (см. «Гостиный Двор» № 8). Капитан артиллерии Ост-Индской компании Аббот был отправлен в Хиву из Герата с целью наладить дипломатические отношения с ханом. Англия в это время всеми силами стремилась стать посредником в осложнившихся отношениях Хивинского ханства с Россией.

Первого мая 1840 года капитан Аббот по неясным причинам оказался у русского Ново-Александровского укрепления на побережье Каспийского моря. Здесь он объявил о своём желании быть отправленным в Петербург в качестве ханского поверенного.

Естественно, что Перовский встретил его весьма настороженно. В письме к Далю он делится своими соображениями по поводу деятельности Аббота и высказывает намерение держать англичанина под арестом как шпиона до выяснения мнений о нём в Петербурге.

«22-го мая /1840/

Подумав ещё о капитане Абботе, я решился его задержать здесь под арестом до получения о нём разрешения из Петербурга. – Не говоря уже о наших настоящих отношениях с Хивою, – о том, что Аббот приехал из Хивы, где был бог знает с каким намерением, и о том, что он разъезжал со скопищем Трухмен и Хивинцев, – вот на чём основываюсь, чтобы задержать его: какой бы ни было иностранец, чтобы въехать в Россию и проехать через Россию, должен быть снабжён паспортом, явленным в одной из наших Линий; положим, что этого требовать нельзя от чужестранца, прибывшего на здешнюю границу из Индии, но тогда из его бумаг должно бы видеть, что он из Индии отправился в Россию. Напротив того, в настоящем случае из бумаг Аббота видно, что он ехал не в Россию, потому что в паспорте его, или, лучше сказать, в открытом /путевом/ листе ничего о том не сказано. Это доказывается и припискою другой руки, и тем, что в персидском переводе о России не упоминается. Всего же более наводит на него сомнения его записка, писанная поддельным почерком и в которой он себя называет charge d'affaires du gonvernement Britannique pres la Cour de Russie[10]*. Кажется, этих причин слишком достаточно, чтобы Аббота задержать здесь до получения разрешения из Петербурга: если бы иностранец представился в какой-либо пограничный город нашей западной границы с такими же неудовлетворительными о себе документами и требовал бы, чтобы его пропустили в столицу, то*

нет никакого сомнения, что его, во-первых, посадили бы под арест, во-вторых, завели бы о нём переписку. То же самое намерен сделать и я с его благородием: бумаги его с комментариями отправить в Петербург на рассмотрение, ему же доставить здесь весь возможный комфорт, снабдить его почётною стражей впредь до объяснения, кто он такой? В этом смысле написать гр. Нессельроде, упомянув о последствиях, могущих произойти от вмешательства англичан в наши дела в здешней стране; пример Кавказа.

Я намерен Аббота поместить в новом доме Еникуцева. Кушанья будет он получать от моего стола, но содержаться будет под строгим арестом.

Приезд Аббота в Нов.-Алекс. совершенно походит на действия шпиона: первоначально едет он на Мангышлак, потом напрашивается в Нов.-Алекс., выдавая себя за аккредитованное от Английского правительства к нашему лиц, и объявляя, что бумаг у него никаких нет; наконец я показывал пачпорт, /особым/ образом поддельный.

В. Перовский»

Несмотря на опасения, которые вызывали документы и поведение английского офицера, русское правительство отнеслось к нему уважительно. Ему было разрешено приехать в столицу, правда, не в качестве хивинского посланника. Во время его пребывания в Оренбурге и по пути в Петербург к нему были приставлены надёжные провожатые. Вскоре он отбыл на родину.

В начале лета 1840 года Перовский выехал в Петербург. В это время он не только не думал ещё оставлять Оренбург навсегда, но и собрался организовать новую военную экспедицию в Хиву. Уже в столице он понял, что этот поход откладывается на неопределённое время.

21 июня В. И. Даль подал прошение о позволении вступить во второй брак – с Екатериной Львовной Соколовой. Необходимый документ был подготовлен 29 июня, и Перовский выслал его в Оренбург со следующим письмом:

«С.-Петербург
1 июля 1840

Поспешаю препроводить вам требуемый вами вид; форму соблюдём после: нужно от вас прошение и согласие матери и самой невесты. – Я вполне одобряю и принятое вами намерение и выбор. Намерение, потому что в ваши лета и с вашими правилами вам невозможно было оставаться в Stato quo; выбор, потому что он хорош, или, лучше сказать, это единственный выбор, который вы могли сделать не только в Оренбурге, но даже во всём околотке (Районе), т. е. в окружности 2/ т.[11]/двух тысяч/ вёрст. – Всё будущее говорит в вашу пользу, потому и не остаётся мне ничего более, как радоваться за вас. Я люблю вас и, вероятно, люблю более чем вы предполагаете; вы не могли оставаться Гагештольцом и поступили согласно с законами природы, чести и общества, решившись взять себе жену и дать матушке вашей дочь, а вашим детям мать.

Теперь про другое: между нами будь сказано, я нашёл здесь чрезвычайное охлаждение к второй экспедиции; более всего происходит оно от смет. – деньги нужны на другие неотлагательные потребности. Итак, можно теперь уже решительно предположить, что прежде 42-го года ничего предпринято не будет.

Прощайте; до свидания.

В. П.»

В тот раз Перовский пробыл в Петербурге долго. Только в начале следующего, 1841 года он возвратился в Оренбург. Одной из важнейших его забот в столице были хлопоты по награждению участников Хивинского похода. В Государственном архиве Оренбургской области имеется дело «О награждении Генералов, Штаб и Обер-Офицеров и нижних чинов за участие в Хивинской экспедиции в 1839–1840 г.» Оно начато 13 июля 1840 года, а закончено 15 января 1841 года и

содержит триста листов. Из этих бумаг видно, что решение вопроса о награждении гражданских чиновников, отмеченных наряду с военными, в октябре несколько задерживалось, поскольку представления на них были переданы «по принадлежности», в частности на Даля – управляющему Министерства Внутренних Дел. Перовский, вероятно, беспокоился, предполагал, что эта задержка может обидеть Владимира Ивановича.

Об этом и говорится в следующем письме:

«СПб

24 ноября 1840

Хотя мне весьма хорошо известна и степень вашего честолюбия, и какими равнодушными глазами вы смотрите на награды вообще, не менее того я полагаю, что без объяснения с моей стороны вам могло бы показаться странным не видеть себя в числе получивших награды за наш прошлогодний поход. Забыть о вас было бы мне непростительно, да и невозможно; мне напоминают о вас обе памяти: память головы и память сердца – благодарность; но мне не хотелось бы, чтобы вы могли приписать мне даже и замедление, от меня совершенно независимое; а потому скажу вам, что несмотря на все мои старания, мне до сих пор ещё не удалось преодолеть встречаемые затруднения.

Правда ли, что в нынешнем году привезены из Бухары семена знаменитой galego mochitera и что они имеются у Лемана?

Если это справедливо, то потрудитесь прислать из них несколько Фишеру от моего имени. Что делают наши походные коллекции и прибавились ли они от путешествия Лемана; об нём и от него я не имею совершенно никакого сведения.

Отсюда привезу я довольное количество ружей, некоторые из них, надеюсь, получат совершенное ваше одобрение.

Не знаю, просить ли мне вас писать мне сюда; хотя времени моего отъезда ещё мне положительно и неизвестно, думаю однакож выехать в половине декабря.

В. Перовский»

В ответном письме Даль, по-видимому, объяснил Перовскому, что его взгляд на награды нисколько не переменился и он по-прежнему к ним равнодушен. Слухи о том, что Леман достал семена редкостного растения, оказались неверны. Вероятно, Даль писал и о будущем «Музее естественных произведений Оренбургского края», о котором Перовский продолжал думать и в Петербурге.

Следующее письмо – последнее из имеющихся у нас писем В. А. Перовского к В. И. Далю.

«СПб

22 дек. 1840

Я получил ваше письмо от 10-го дек., любезный Даль, мне и без него хорошо были известны ваши мысли на счёт наград, но при бывшем на Оренбурге дожде я хотел и вас подставить под la goutteire (12), желал, чтобы и на вас упала благодатная капля; вышло иначе; делать нечего. К очередной награде я не представлял, потому что много не дадут, а малую толику могу вам доставить по возвращении моём в Оренбург, никого не прося о том.

А. С. Пушкин и В. И. Даль. Памятника В. А. Перовскому пока нет...

Видно, всё, что относится до galego, так же справедливо, как и первые сведения, доставленные Карелиным; не знаю, кто известил Фишера о получении Леманом семян этого баснословного растения; постарайтесь однакож настроить ваших знакомых бухарцев привезти если не семена, то по крайней мере целый корень с листьями.

О музеуме переговорим и устроим по моём возвращении в Оренбург, которое, как кажется, могу с достоверностью предсказать к концу генваря».

Здесь речь идёт о том, что Далю не был присвоен следующий чин. Этого не удалось сделать при его переводе в Министерство Внутренних Дел, которое последовало одновременно с награждением. Официальное сообщение Перовского об этом содержится в упомянутом выше архивном деле и датировано 15 декабря 1840 года:

«Государь Император по всеподданнейшему представлению моему об отлично усердной службе Вашей в продолжение зимней экспедиции в Киргизскую степь 1839–1840 гг. Высочайше повелел причислить Вас к Министерству Внутренних дел с оставлением для занятий при мне и пожаловал Вам орден Святого Станислава 2-й степени, Императорской короной украшенный...»

Ознакомившись с представленными читателю письмами, мы приходим к убеждению, что личные отношения В. А. Перовского с В. И. Далем никак не походили на такие, о которых можно скаламбурить так, как это сделал несколько похожий на Перовского губернатор из «Бедовика»...

Примечания:

[1] несчастным *(нем.)*
[2] Знаешь ли ты страну... *(нем.)*
[3] не рискуя показаться бесцеремонным *(франц.)*
[4] Мой дорогой Даль *(нем.)*
[5] Трудность *(нем.)*
[6] Г. Ф. Генс – начальник Оренбургской Пограничной комиссии
[7] А. И. Середа – начальник канцелярии оренбургского военного губернатора
[8] к чёрту *(франц.)*
[9] Акиму Ивановичу Середе
[10] поверенный в делах правительства Британии перед русским Двором *(франц.)*
[11] двух тысяч вёрст
[12] водосточную трубу

Использованная литература:

Даль В. И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983.
Даль Е. В. Главы из воспоминаний. (Публикация А. Г. Прокофьевой)//Гостиный Двор: альманах. Калуга, 1995. № 1, с. 140–149.
Пушкинский Дом, 27.368, CXCVI б. 8: Письма В. А. Перовского В. И. Далю.
Пушкинский Дом. 27.416. CXCVI б. 10: Письма В. И. Даля сестре, П. И. Шлейден.
ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 5141. О награждении Генералов, Штаб и Обер-Офицеров и нижних чинов за участие в Хивинской экспедиции в 1839–1840 гг.